

Грег Бир

Грег Бир

ПСЫ ВОЙНЫ:
ПРОБУЖДЕНИЕ
АРЕСА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б64

Серия «Фантастика!»

Greg Bear

WAR DOGS

Перевод с английского *О. Романовой*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Бир, Грег.

Б64 Псы войны: пробуждение Ареса : [роман] / Грег Бир ; [пер. с англ. О. Романовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Фантастика!).

ISBN 978-5-17-086779-0

Стоило землянам заступиться за своих покровителей, инопланетную расу гуру, как началась полномасштабная война... И враг — убийцы-антаги — уже вышел на орбиту Марса.

Майкл Венн, космодесантник, переживший несколько яростных атак, вынужден скрываться на поверхности Красной планеты. Без оружия, без пищи и воды, без малейшей надежды.

Заброшенная шахта с разветвленными ходами стала временным убежищем горстки храбрецов, со всех сторон окруженных превосходящими силами противника.

Это конец?

Но Майкл внезапно обретает в шахте знания, которые могут изменить ход войны и заставить землян взглянуть по-новому на инопланетных врагов и друзей.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Greg Bear, 2014

 Школа перевода В. Баканова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-086779-0

Эта книга посвящается ветеранам ВМС США, прошедшим путь от рядовых до офицеров:

лейтенанту-коммандеру в отставке Дейлу Ф. Биру;

лейтенанту-коммандеру в отставке Ричмонду Д. Гаррету;

а также всем, кто воевал вместе с ними во Второй мировой, в Корее и Вьетнаме.

Кроме того, я выражаю глубокую благодарность моим друзьям, помогавшим мне в работе над книгой, и с удовольствием привожу ниже их собственные высказывания:

Девид Кларк (Вьетнам): «Я хотел бы перечислить военных, с которых я брал пример. Это мой отец, Кен Кларк, сигнальщик ВМС, Вторая мировая; Сесил «Дьюк» Кроуэлл, водолаз ВМС, Вторая мировая; мой дедушка Эрнест Шульц, пионер авиации ВМС США, Первая мировая; и мой прапрадедя Джордж Бус, первый сержант роты D 155-го Пенсильванского пехотного полка, Поттомаская армия, Гражданская война в США».

Дональд Э. Макквин (Корея, Вьетнам): «Я благодарен всем морпехам из моего прошлого, настоящего и будущего. Уверен, они не ударят в грязь лицом и еще больше прославят наш замечательный корпус. Semper Fidelis».*

* Semper Fidelis — (лат.) всегда верен. Девиз корпуса морской пехоты США.

Ден О'Брайен (Ирак): «Посвящается погибшим морякам и морпехам из батареи «Кило» 3/12: доктору Ноблу, капралу Макрею, капралу Зиндерсу, капралу Линку, а также всем павшим на полях Ирака и Афганистана. И не надо упоминать моего имени, потому что оно слишком незначительно в сравнении с их именами».

Но я не могу не упомянуть Дена, ведь он помогал мне и был рядом.

Огромное спасибо вам всем!

Грег Бир

Назад, на Землю

Мне надо вернуться домой. Как сказал поэт, если ты не знаешь где ты, ты не знаешь кто ты^{*}. Дома я приду в себя.

Я выхожу из космической базы «Льюис-Маккорд» и шагаю вдоль Тихоокеанского шоссе. Я вполне уверен, что нахожусь в штате Вашингтон, что на дворе двадцать первый век, и весь это звездеч происходит наяву, а не в каком-нибудь дурацком кино.

Но тут тишину пронзает жалобный вой, гигантская тень накрывает тротуары, кафе и ломбарды, а через пару секунд в небе появляется ослепительный инверсионный след. Я с трудом поворачиваюсь на ноющих ступнях и поднимаю глаза, чтобы увидеть, как в небе над «Маккордом» черепаха-и-двойное-яйцо прочерчивает огненную кривую.

Удивительно.

Я и сам недавно вернулся на одной из таких «черепах» после восьмимесячного космического путешествия. Четыре туда, три обратно — итого семь счастливейших месяцев тайм-аута, которые я провел в узком и темном отсеке, с головы до ног обмазанный космо-

^{*} Цитата принадлежит Венделлу Берри (1934), американскому писателю, поэту, культурному критику и фермеру. Согласно Берри, для человека очень важна связь с природой и родными местами.

лином. Все ради трех недель на Марсе — трех дерьмовых, изнурительных, сводящих с ума недель.

Кружится голова. Я останавливаюсь и смотрю вниз, чтобы прийти в себя. Проморгавшись, иду дальше. С моим организмом творится полный звездец. Последствия космолина.

С некоторых пор на Земле мы заменяем все матерные слова на «звездец» — это приказ гуру и часть цены, уплаченной за свободу. Зато на Красной Планете можно гнуть трехэтажным сколько влезет — ангелы отредактируют слова и удалят всю матерщину.

ВППОЗ.

Джо знает матерный анекдот, чертовски смешной, я вам обязательно как-нибудь перескажу. Но сейчас я очень за него волнуюсь. Мы вернулись на разных кораблях, и он так и не появился в мобилизационном центре. Мой «кугуар» остался на парковке возле космопорта «Виргиния». Можно, конечно, сесть на автобус до Сиэтла, но ведь Джо советовал не высовываться. Кроме того, мне хочется побыть одному — потихоньку размять ноги, полюбоваться голубым небом — пока я не могу смотреть вверх без приступов головокружения, но, надеюсь, они скоро пройдут — и насладиться свежим воздухом без примеси ракетной гари. Какое счастье, когда на тебе нет шлема, и можно дышать полной грудью! Впрочем, через пару километров я выбиваюсь из сил — икры ноют, каждый шаг дается с трудом. После долгих месяцев в космосе трудно заново привыкать к земному притяжению. Я распрямляю спину, сжимаю челюсти, с трудом заставляю себя оторвать взгляд от неба и смотреть только вниз.

Ясно, что не обязательно идти пешком всю дорогу до Сиэтла. Поднимаю вверх палец и наклеиваю на физиономию дурацкую улыбку, однако все машины не-

сутся мимо. Так проходит полчаса. Я уже собираюсь попытать счастья у кафе, как вдруг за моей спиной останавливается голубой электромобиль — абсолютно бесшумно, словно кто-то пернул втихую. Ненавижу, когда вот так подкрадываются.

Я оборачиваюсь и пытаюсь унять дрожь. Стекло опускается, и я вижу за рулем пожилую женщину. Она явно уже разменяла шестой десяток, волосы выкрашены в рыжий, но корни с проседью. К горлу подступает тошнота — что если она из Мадигана, из СНЗВ? Джо ведь предупреждал: «Ради бога, после всего случившегося, держись подальше от докторов!» СНЗВ — сокращение от «Служба надзора за здоровьем военнослужащих». Но нет, водитель не из Мадигана. Женщина спрашивает, куда мне надо.

— В Сиэтл.

— Тогда залезай.

Она работает секретаршей у какого-то полковника в «Льюисе», ничем не примечательная с виду бабулька, но таинственный блеск ее серых глаз подсказывает мне, что в былые времена насмешки этой красавицы убивали мужчин наповал.

Не довезет ли она меня до «Пайк-плейс»?

— Без проблем.

Я залезаю в машину. Какое-то время мы едем молча, потом она говорит, что я похож на ее сына, павшего смертью храбрых на Титане. Интересно, откуда такие сведения? Ведь наши войска никогда не высаживались на Титан.

Вслух я говорю «примите мои соболезнования», но про себя радуюсь, что убили его, а не меня.

— Как там, на войне?

— Трудно сказать, мэм. Я только что вернулся, еще не успел прийти в себя.

Нам не рассказывают всего, только самое необходимое. Боятся, что мы начнем размышлять и отвлечемся от дела.

Титан... древний и звездац какой холодный. Интересно, что за скафандры носят на этой планете? При таких морозах все жидкости должны застывать моментально. Марс, конечно, тоже не сахар, но к нему мы почти привыкли. Задача проста — смотри в оба и не забивай голову всяким дерьмом, а думать за тебя будут генералы и гуру.

Это всего лишь часть сделки. Очень большой и важной сделки.

Чертов Титан!

Бесшумный электромобиль везет меня сначала на север к Спринг-стрит, потом на запад, к «Пайк-плейс» и Первой. Я вылезая из машины. Бабуля тепло улыбается, и от ее глаз лучиками разбегаются морщинки. Слегка пожимает мне руку на прощанье. Мгновением позже она исчезает из моих мыслей. А вот и рынок, он ничуть не изменился с тех пор, как мы проходили космотренинг на КЛУ — Курсах по лидерству и управлению. Помню, как мы надирались в местных барах, а потом шли искать приключений. Рынок — обязательный пункт в маршруте. Нам нравились большие круглые часы, и огромная неоновая вывеска, и то, что здесь яблоку негде упасть из-за туристов. И конечно, знаменитая бронзовая свинья перед входом.

Какая-то девочка в розовом платице оседлала статую и с улыбкой хлопает по ее отполированным бокам. Вот за что — за кого — мы сражаемся.

Я в штатском, но космолин придает коже специфический аромат, который стоит несколько дней, пока остатки препарата не выведутся из организма. Ни для кого не секрет, что я недавно вернулся из

тайм-аута. Гражданским не положено приставать к нам с расспросами, поэтому они провожают меня молчаливыми взглядами и лыбятся как бараны: «Добро пожаловать домой, космонавтик! Расскажи, как оно там?»

Все понятно без слов.

Я останавливаюсь перед прилавком с овощами, фруктами и цветами. Торговка — миловидная женщина из Лаоса, ей помогают сыновья и дочка. Вокруг них горы перца, крупного и мелкого, острого и сладкого, желтого, зеленого и красного, россыпи сладких луковиц валла-валла, репчатого и зеленого лука, и всевозможные сорта картошки — деревенская, красная, желтая, и даже синяя, ямс и батат, зеленый и желтый стручковый горох и бобовая фасоль, лакомство для детей и взрослых. Из ящиков с репой торчат хрустящие зеленые листья, а в углу примостилась коробка со странного вида грибами. От такого буйства красок рябит в глазах, ведь на Марсе меня окружали совсем другие цвета — коричневый и розовый, темно-синий и разбавленный звездными точками черный.

Прямо передо мной высится горка из кочанов капусты — пнуть бы их хорошенько, чтобы разлетелись по прилавку, а потом вгрызться в густые зеленые листья, вдохнуть в себя их яркие, кричащие цвета. Вместо этого я покупаю пучок сельдерея и отхожу в сторону от потока туристов. Опираюсь спиной на какую-то железную дверь. Икры все еще сводит судорогой, поэтому я неловко переминаюсь с ноги на ногу, а потом и вовсе сажусь на корточки, прислонившись к прохладному рифленому железу. Жадно объедаю листья и впиваюсь зубами в грязные хрустящие стебли. Съедаю пучок до самой сердцевины. Обожаю сельдерей. Самое то для измученного тайм-аутом желудка.

Подкрепившись, я чувствую себя намного лучше. Пора прогуляться миллю-другую перед сном.

Вряд ли я просплю всю ночь.

Космодесантники, как правило, живут вместе по несколько человек во временных квартирах тире ночлежках, расположенных неподалеку от крупных космопортов. Чаще всего я останавливаюсь в Вирджиния-Бич. Я и сейчас мог бы сесть в свой «кугуар» и поехать по мосту через Чесапикский залив, наслаждаясь теплым морским бризом. Но после всего, что случилось (и учитывая советы Джо), лучше туда не соваться. По крайней мере, пока. Может, вообще никогда.

Я поднимаюсь на ноги и протискиваюсь сквозь толпу, но колени предательски дрожат — сил на еще одну прогулку явно не хватит. Ловлю такси. За рулем белый техасец средних лет. Раньше здесь таксовали по большей части ливанцы, эфиопы и сикхи, но сейчас их почти не осталось — все кто помоложе ушли на войну. Темнокожие на удивление легко переносят таймаут, намного лучше, чем белые техасцы. Недаром их прозвали «королями космоса». Кого только не увидишь в космодесанте — западные и восточные индийцы, выходцы из Кении, Нигерии и Сомали, мексиканцы, малазийцы и филиппинцы, ямайцы и пуэрториканцы и, конечно же, азиаты всех мастей. Фасции отстыковываются от фрейма, ты выскальзываешь из капсулы, раскрываешь парашют-«одуванчик» и приземляешься на Красную планету. Не опаснее, чем водить такси, а платят в разы лучше.

Сам я ни разу не темнокожий. Ко мне даже загар не липнет. Самый что ни на есть белый парень из Москвы, штат Айдахо, бывший сисадмин, которому до чертиков надоело просиживать штаны в душном офисе среди таких же ботаников, как он сам. Вот я и за-

писался в космодесантники, прошел предварительный отбор, учения в казарме и в пустыне, пережил выход на орбиту и первый бросок на Марс и вернулся домой целым и невредимым, даже умом почти не тронулся. Теперь зашибаю кучу денег: надбавки за перелет и за участие в военных действиях, так называемый боевой бонус, плюс компенсации за космолин.

Космолин многократно замедляет все клеточные процессы, и некоторые ученые полагают, что он сокращает жизнь не меньше, чем солнечные вспышки или гамма-излучение. Военные врачи, напротив, считают тайм-аут совершенно безвредным, но можно ли им верить? Незадолго до моего последнего вылета вокруг Мадигана разгорелся скандал — сразу нескольких докторов обвинили в халатности. Военные врачи уверены, что все космодесантники спят и видят, как бы откосить от службы. Лишний повод избегать СНЗВ. Мы пашем в разы больше, чем они, и все равно слышем нытиками. В Мадигане нас ненавидят. Пусть-ка поработают с наземными войсками. Для сравнения.

— Сколько бросков? — спрашивает таксист.

— Больше чем надо.

С тех пор, как я поступил на службу, прошло уже шесть лет.

Таксист разглядывает меня в зеркало. Ему не обязательно следить за дорогой, машину ведет автопилот.

— Ты когда-нибудь задавался вопросом — зачем? Ради кого стараетесь? Они ведь даже не люди.

Тут, на Земле, многие считают нашу войну ошибкой. Наверное, мой таксист как раз из таких.

— Спрашивал себя об этом? — не унимается он.

— Много раз.

Водитель раздраженно отворачивается.

Такси привозит меня в Беллтаун и останавливается возле небоскреба под названием «Первая космическая башня». Я расплачиваюсь наличными, даю щедрые чаевые, но придурок-таксист все равно косится на меня с неприязнью. Я забываю о нем, как только выхожу из машины.

Сажусь в панорамный лифт — из стеклянной кабины открывается великолепный вид на город — и поднимаюсь на свой этаж. Захожу в круглый холл с альковами по периметру — в это время дня все они пусты. Ввожу шифр, и кодовый замок открывается со щелчком. Квартира приветствует меня веселым перезвоном. Ретро-стиль, классический Сиэтл, без всяких новомодных гуру-штучек. Так обставляли дома еще до моего рождения.

«Заляг на дно. Не высовывайся».

Господи, ну разве я гожусь в шпионы?

Квартира в точности такая, как я ее запомнил — уютная и прохладная, серые обои, ковер и мебель им в тон, нержавеющая сталь перемежается вставками из дерева и белой эмали. Диван, стол и стулья из пятидесятых. Прошлогодняя елка все еще стоит, хотя вода высохла, а иголки осыпались. Пол при этом идеально чистый, спасибо «Румбе», люблю его, хоть он и устарел. Пылесос выползает из щели под лестницей и тычется мне в ноги, словно веселый серый трилобит.

По привычке я дважды обхожу все комнаты и убеждаюсь, что кроме меня в квартире никого нет.

Придвигаю кресло с подголовником к панорамному окну и любуюсь видом на залив Пьюджет-Саунд. Мне по-прежнему нельзя смотреть в небо — кружится голова, — поэтому я перевожу взгляд вниз, к веренице снующих туда-сюда паромов и к уходящей за горизонт цепочке танкеров и грузовых судов. Приятно

знать, что транспортные компании вроде «Маерска» все еще перевозят товары в разноцветных железных контейнерах. Каждый контейнер примерно в семь раз меньше космо-фрейма. И каждый, без сомнения, доверху напичкан хитроумными гуру-изобретениями. Наша экономика плотно сидит на этом наркотике.

Вот за что — *за кого* — мы воюем на самом деле.

Историческая справка, часть первая

АПД. Абсолютно правдивое дерьмо. Так, по крайней мере, нам говорят.

Их настоящее имя — если они не врут — столь непривычно для человеческого уха, что ни один землянин не сможет его повторить, поэтому мы зовем их гуру. Они обнаружили свое присутствие тринадцать лет назад, когда их корабль-разведчик приземлился в сердце йеменской пустыни. Место было выбрано не случайно — гуру боялись, что люди найдут их базу и сотрут ее с лица Земли.

Первыми их увидели бедуины. Кочевники, пасшие верблюдов, подумали, что наткнулись на джиннов, и лишь много позже гуру решились предстать перед остальным человечеством.

Говорят, они взломали телекоммуникационные и спутниковые сети, открыли анонимные торговые счета и подняли кучу денег на фондовой бирже, а потом опубликовали в Интернете несколько загадочных статей, взбудораживших пытливые умы. Гуру завоевали своих первых сторонников, сочинив легенду о таинственном мозговом тресте, который хочет основать филиалы в мегаполисах по всему свету и посылает волонтеров в разные страны.